

ИЛЬЯ ДЕРЕВЯНКО

ТЬМА БЫВАЕТ И В ПОЛДЕНЬ

Гости из Преисподней

Издательство СИЛК-ПРЕСС,

г. МОСКВА 2017

Илья Деревянко
Гости из преисподней

«СИЛК-ПРЕСС»

1999

Дервянко И.

Гости из преисподней / И. Дервянко — «СИЛК-ПРЕСС», 1999

Есть области, куда лучше не заглядывать и дороги, по которым не стоит ходить. А у того, кто нарушил это неписанное правило – заканчивается нормальная жизнь! Потусторонние, тёмные сущности начинают проявлять себя самым неожиданным и жутким образом. Кошмарные сны превращаются в реальность. Тени оживают и становятся чудовищами. Страх делается постоянным спутником. А за каждым поворотом, этого несчастного подстерегает кое-что похуже, чем смерть...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Илья Дервянко

Гости из преисподней

Гипнотизм и спиритизм – два рода одного колдовства или магии, запрещенные церковью. Гипнотизеров в древности называли «обаятелями», а спиритов – волхвами, вызывателями духов, то есть бесов.

Православные чудеса в XX веке, свидетельства очевидцев

О тяжелых духовных последствиях занятий оккультизмом свидетельствуют многочисленные случаи... преступлений, вызванных непосредственным научением духов при спиритических сеансах.

Иеромонах Анатолий Берестов. Число зверя

Глава 1

Начальник следственной части Н-ского ОВД майор юстиции Евгений Дмитриевич Кожин возвращался с работы гораздо раньше обычного времени по причине тоски и паршивого настроения. Майор сам не знал, чем конкретно оно объяснялось. Может, погодой? (Апрель 1998 года ежедневно преподносил сюрпризы – то мороз, то слякоть, то вообще черт-те что.) Или внезапной сменой министра и возможными кадровыми перестановками? Или до смерти опостылевшей мерзкой харей начальника отделения полковника Бахусова? Или всем вместе взятым?

Евгений Дмитриевич так и не понял толком, однако легче от этого не стало. Дела буквально валились из рук, физиономии сослуживцев вызвали тошноту. Воспользовавшись отсутствием шефа, отбывшего якобы на важное совещание, а в действительности, как подозревал Кожин, в сауну с девочками, он роздал подчиненным руководящие указания, накрутил кое-кому хвоста для профилактики и отправился домой... Белая «девятка» Кожина черепашьими темпами ползла по забитой транспортом проезжей части, периодически застревая в многочисленных пробках. Майор постепенно накалялся злобой, шевелил густыми рыжими усами и безостановочно матерился.

– Развелось автолюбителей, мать-перемать! Ни пройти, блин, не проехать! – в перерывах между потоками грязной ругани шипел он. – Лучше б пешком пошел! Быстрее б добрался!

Евгений Дмитриевич жил меньше чем в километре от отделения, однако всегда ездил туда на машине, являвшейся как бы визитной карточкой начальника следственной части, символом его преуспевания. В нынешнюю «демократическую» эпоху сотрудники милиции больше не боялись афишировать свое материальное благосостояние, и бестактных вопросов типа «Откуда у вас такие деньги?» – люди уже не задавали. Привыкли! Лозунг «обогащайтесь!» стражи порядка подхватили одними из первых и с усердием претворяли в жизнь, правда, в строгом соответствии с занимаемой должностью. Например, полковник Бахусов отгрохал в ближнем Подмоскowie шикарный четырехэтажный особняк. Заместитель Бахусова подполковник Чуев выстроил рядом трехэтажный. Кожинovu приходилось довольствоваться двухэтажным и, в отличие от начальства, развезжать не на джипах, а на отечественной «девятке». Впрочем, Евгений Дмитриевич не терял надежды на лучшую долю. Всему свое время... В последней пробке, всего в двухстах метрах от конечной цели путешествия, Кожин проторчал не менее двадцати минут, и к тому моменту, когда он добрался-таки до дома, язык его совершенно одеревенел от матерщины, а раздражение достигло наивысшего предела. Загнав машину в гараж-«ракушку», майор поднялся лифтом на шестой этаж и, не желая разыскивать по карманам ключи, с силой ударил ногой в железную дверь своей квартиры.

– Что-нибудь случилось? – удивленно спросила жена Ирина, пропуская мужа в прихожую.

– Р-р-р! – ответил начальник следственной части, стаскивая с ноги ботинок.

– Понятно! – привыкшая к подобным выходкам «благоверного» Ирина ушла на кухню. Разувшись и сбросив верхнюю одежду, Кожин прошел к себе в комнату, плюхнулся на диван и прикурил сигарету. «Как же тошно! – подумал он. – Может, напиток вусмерть?!» В этот момент зазвонил телефон.

– Да! – сняв трубку, буркнул Евгений Дмитриевич.

– Привет, Женя! – услышал он голос старого приятеля Романа Сухотина, довольно популярного в среде эстетствующей псевдоинтеллигенции художника-модерниста.

– Привет, – мрачно отозвался Кожин.

– Ты чего такой смурной? – поинтересовался Сухотин.

– Настроение поганое!

- А-а-а! – понимающее протянул Роман. – Бывает!.. Слушай! – вдруг оживился он. – Дуй ко мне (Сухотин жил в соседнем подъезде). Выпьем по стаканчику, покалякаем о том о сем...
– Ну не знаю, – в нерешительности замялся майор.
– Давай, давай! – подбодрил его приятель. – Скучно не будет! Гарантирую!
– Хорошо, – сдался Евгений Дмитриевич. – Сейчас подойду...

В квартире художника-модерниста как всегда царил невероятный бардак, который тот объяснял посетителям возвышенностью своей творческой натуры, отрешенностью от низменного быта. На полу валялись окурки, огрызки, скомканные бумажки, грязные носки, засморканные носовые платки и прочая дрянь. По стенам были развешаны «шедевры» Сухотина – грубо намалеванные кривые рожи или просто скопления разноцветных пятен. Роман называл это «портретами» и «пейзажами». Воздух пропитался запахом табачного угара, несвежего белья и еще чего-то на редкость противного.

– Ура! Наконец-то! Располагайся, дружище! – завидев Кожинова, радостно завопил Сухотин: патлатый, бородатый, давно не мытый мужчина лет тридцати пяти с блуждающим взглядом шизофреника, – чувствуй себя как дома, но не забывай, что в гостях... Ха-ха! Шутка! Да, кстати, познакомься с Эльвирой!

Художник схватил майора за рукав и почти силком подтащил к томной, худосочной особе неопределенного возраста с крашеными волосами, бледным лицом и огромными тенями под глазами, расслабленно полулежавшей на кушетке.

– Вот, Элечка, мой старинный друг Женя, – торжественно представил Кожинова Роман. – Мы с ним знакомы едва ли не с пеленок. Вместе на горшках, ха-ха, сидели!

«Элечка» вяло кивнула.

– Она талантливая поэтесса, а также медиум и экстрасенс, – не переставал болтать Сухотин, деловито вытаскивая из стенного бара бутылку водки и разливая по стаканам.

– Ме... чего? – удивился Кожинов.

– Медиум. Человек, способный к общению с духами. Ну, вздрогнули, – художник залпом проглотил свою порцию. – Вот огурчик. Закуси! – рыгнув, посоветовал он майору, с трудом проталкивающему вовнутрь теплую водяру.

– С духами? Чушь собачья! – кое-как отдышавшись, скептически усмехнулся Евгений Дмитриевич.

– Вовсе нет, – возразил Роман. – Блаватскую¹ читал?

– Нет.

– Эх, темнота-темнота!

– Но, но! Полегче на поворотах! – нахмурился Кожинов, с детства отличающийся болезненным самолюбием. – Медиум! – презрительно поджав губы, передразнил он приятеля. – Может общаться с духами! Бред сивой кобылы!

– Вы ошибаетесь, – вмешалась в разговор Эльвира, до сей поры практически не подававшая признаков жизни. – Астральный мир отнюдь не вымысел, и смею вас заверить – он не менее реален, чем наш материальный! Духи умерших действительно вступают в контакт с людьми, но не со всеми, а с теми, кто обладает особым даром! Я могу это доказать! – В глазах поэтессы вспыхнули фанатичные огоньки.

Евгений Дмитриевич недоверчиво хмыкнул. «Разыгрывают! – подумал майор. – Сейчас начнут какие-нибудь фокусы демонстрировать! А впрочем, пускай покривляются. Все ж развлечение!»

---

¹ Е. П. (1831 – 1891) – известная сатанистка, яростная противница Православной церкви. Автор ряда книг по оккультизму. Основательница пресловутого «Теосовского общества», члены которого, помимо прочего, занимались спиритизмом. (Здесь и далее примечания автора.)

– Ладно, – вслух сказал он. – Докажи.

Эльвира поднялась на ноги и направилась в соседнюю комнату, жестом пригласив обоих мужчин следовать за ней.

В маленькой восьмиметровой комнатке не было почти никакой мебели. Только круглый деревянный стол с нарисованными по краям масляной краской буквами алфавита, пять стульев да образчики сухотинской мазни на стенах.

– Будем тарелку вертеть²? – догадался Кожин, слышавший краем уха о технике проведения спиритических сеансов.

– Не обязательно тарелку, – снисходительно улыбнулась Эльвира. – Сгодится и карандаш.

– Держи, – Евгений Дмитриевич достал из нагрудного кармана шариковую ручку, подумав про себя: «Карандаш-то твой наверняка намагничен. Посмотрим, как ты теперь выкрутишься!»

Эльвира, однако, нисколько не смутившись, положила авторучку на середину стола, зажгла свечи, потушила верхний свет, занавесила окно темной шторой и плотно закрыла дверь.

– Садитесь, – предложила она Кожинуву с Сухотиным. – Возьмите меня и друг друга за руки. Образует цепь. Кроме того, вы, Евгений, – в голосе медиума зазвучали ехидные нотки, – вы сможете убедиться, что я не фокусничаю, не пользуюсь магнитом или другими техническими приспособлениями.

«Во ведьма! – мысленно изумился Кожин. – Прямо мысли мои прочитала!» Скептицизм его заметно ослабел. Все трое расселись вокруг стола. Воцарилась гробовая тишина. Полумрак, безмолвие, слегка колеблющиеся язычки свечей настраивали на мистический лад. Прошло несколько минут. Внезапно авторучка зашевелилась, указав концом на букву Я. Затем на З, Д, Е, С и Ь.

Евгений Дмитриевич содрогнулся, моментально покрывшись холодной испариной.

– Дух откликнулся! Спрашивайте, – шепнула ему Эльвира.

– К-к-кто в-вы? – заплетаясь языком, промямлил Кожин.

– Твой отец, – последовал незамедлительный ответ.

– Папа?! – удивился майор. – Не может быть!

– Может! Привет, засранец!

От неожиданности Евгений Дмитриевич едва не свалился на пол вместе со стулом. Слово «засранец» являлось излюбленным обращением к сыну Кожинова-старшего, умершего от запоя без малого десять лет назад. Причем предок пользовался им исключительно в узком семейном кругу.

Ни Сухотин, ни тем более Эльвира знать об этом не могли. Следовательно, вероятность мошенничества с их стороны исключалась³.

– Не ссы, бамбино, а то намочишь динамит! – подбодрил Кожинова дух, и Евгений Дмитриевич окончательно уверовал, что общается с покойным папашей, питавшим при жизни неизлечимое пристрастие к вульгарным, дешевым каламбурам.

– Скоро ли подлец Чуев перестанет отравлять мне жизнь? – справившись с волнением, задал он первый вопрос...

---

² Один из наиболее известных способов общения с «духами умерших» (а в действительности с бесами) на спиритических сеансах. На тарелке нарисована стрелка. Отвечая на заданный вопрос, потусторонний гость вращает тарелку, а стрелка поочередно указывает на буквы. Впрочем, способов этих несметное множество. Для беса главное не техника его вызывания, а желание людей с ним контактировать.

³ Бесы отлично осведомлены о мельчайших подробностях жизни любого человека и умеют мастерски копировать его родственников или знакомых. На первоначальном этапе – основная задача нечисти завоевать доверие к себе. Именно этим и занимается демон, представившийся отцом Кожинова. На самом же деле вызвать мертвого путем магических манипуляций невозможно. Души умерших постоянно находятся в том месте, которое определил им Господь до Страшного Суда, а если являются ныне живущим, то крайне редко, по особому попущению Божию и уж никак не во время спиритических сеансов (подробнее см.: Монах Митрон. Загробная жизнь. М., 1994; Иеромонах Серафим Роуз. Душа после смерти. СПб., 1994).

В эту ночь Кожинов уснуть не смог. «Дух отца» рассказал немало интересного. Например, что следователь Вадим Кабанов усердно стучит Чуеву, практикантка Овечкина трахается с полковников Бахусовым из карьеристских соображений, подозреваемый в краже Игорь Бардаков «слаб в коленках» и, если хорошенько поднажать, расколется как гнилой орех, сдаст с потрохами своего подельника Никиту Пыжова и т. д. и т. п. Но главное другое – сегодня умрет заместитель начальника отделения подполковник Борис Петрович Чуев, к которому Кожинов питал давнюю лютую ненависть. Подполковник в настоящий момент находится на больничном (а на самом деле, по утверждению «отца», в тяжелейшем запое) и покончит с собой около пяти утра в приступе белой горячки⁴.

«Хоть бы сбылось! Хоть бы сбылось!» – мысленно твердил разгоряченный Евгений Дмитриевич, ворочаясь с боку на бок. Смерть Чуева разом решала множество серьезных проблем, открывала блестящие перспективы...

Едва забрезжил рассвет, сгорающий от нетерпения Кожинов вскочил с постели, судорожно побрился, несколько раз порезавшись при этом, выпил подряд четыре чашки черного кофе, надел свой лучший костюм и прискакал на работу раньше всех, чем немало удивил заспанного дежурного...

---

⁴ Бесы не знают будущего, известного одному лишь Богу, однако они умеют предугадывать некоторые события, либо непосредственно подготовленные нечистой силой, либо вполне закономерные в результате совокупности черт характера конкретного человека, его образа жизни и сложившейся ситуации. Так, например, хроническому наркоману нетрудно предсказать смерть от наркотиков или из-за наркотиков. В случае успеха своего «пророчества» дьявол его всячески рекламирует и использует для оболъщения душ людских (см. Дьявол и его нынешние чудеса и лжепророки. М., 1994, с. 110 – 113, 116 – 119).

Глава 2

Известие о гибели Чуева превратило Н-ское отделение милиции в подобие взбудораженного улья. Фавориты подполковника впали в уныние, а враги с трудом сдерживали дьявольскую радость. В десять утра Бахусову позвонили из отделения Г-ского района, где проживал покойный, и сообщили, что Борис Петрович в пять минут шестого выпрыгнул из окна двенадцатого этажа. Вскоре контрабандой поступили подробности... «Бухал неделю не просыхая!.. Допился до белой горячки!.. Чертей по квартире гонял!.. Дверь комнаты изнутри запер и посмертную записку оставил, сплошь матерную!..» – шушукались по углам сотрудники. Майор Кожинов млел от счастья. «Избавился-таки от мерзавца! Отлились кошке мышинные слезки! Сдох поганец! Скопытился! Гы-гы-гы! – сладостно трепеща, думал он. – Ай да папа! Ай да молодец! Предсказал все с точностью до мелочей! Но раз это сбылось, значит, должно сбыться и остальное! Ща-а-ас проверим! У кого там дело Бардакова?! Б-а-а! У нашего стукачка Вадика! Чудесно!»

Набрав по внутреннему телефону номер следователя Кабанова, Евгений Дмитриевич медовым голосом сказал в трубку:

– Зайди ко мне. Есть разговор.

Вадим Кабанов, узкоплечий, задастый, похожий на бабу мужчина лет двадцати пяти, пулей прилетел на зов и замер возле дверей, взирая на начальника следственной части с холуйской преданностью.

– Как движется дело Бардакова? – ласково поинтересовался майор.

Следователь замялся в смущении:

– Пока никак, Евгений Дмитриевич, однако я предполагаю...

– Нехорошо, Вадим! Ох, нехорошо! – сурово прервал его Кожинов. – «Я предполагаю»! – с сарказмом передразнил он подчиненного. – Нужно не предполагать, а работать!

В глазах майора сверкнули молнии. Кабанов съежился, как побитая шавка.

– Безобразие! – гневно воскликнул майор. – Столько возиться с пустяковой кражей! (Бардаков подозревался в похищении трухлявого допотопного компьютера из здания строительного техникума.) Стыд и позор! Нет, дальше так продолжаться не может!

– Евгений Дмитриевич, я... – жалобно начал следователь.

– Молчать! – треснул кулаком по столу Кожинов. – С меня достаточно! Когда ты собираешься в очередной раз допрашивать подозреваемого?!

– С-сегодня! Ч-через ч-час!

– Хорошо. Приведешь его ко мне. Я поговорю с ним сам! Посмотрим, что это за фрукт!

Проводив Кабанова грозным взглядом, начальник следственной части злорадно ухмыльнулся.

Игорь Бардаков, учащийся второго курса вышеупомянутого техникума, худощавый черноволосый парень с трусоватыми глазками-бусинками, неловко примостился на краешке стула и с опаской посматривал на коренастого усатого майора, расхаживающего взад-вперед по кабинету. Зловещее молчание Кожинова давило ему на психику, хотя он знал – улики против него нет. Следствие базировалось лишь на показаниях уборщицы тети Дуси, видевшей, как Бардаков накануне кражи с подозрительным видом ошивался возле компьютерного класса.

– Сознаешься или как?! – внезапно остановившись, гаркнул начальник следственной части.

– В чем? – нервно встрепенулся подозреваемый и в ту же секунду получил хлесткую пощечину.

– За-а что-о?! – выдавил он.

– Здесь вопросы задаю я! – процедил майор, наградив парня второй затрещиной, на сей раз по уху. – Колись по-быстрому, сучонок.

Бардаков всхлипнул.

– Пыжов сдал тебя с потрохами! – вспомнив упомянутую «отцом» фамилию, блефанул Кожин. – Получишь на полную катушку как инициатор и организатор кражи!

– Я-я-я?! – опешил подозреваемый. Лицо его посерело, покрылось мелкими каплями пота. Глаза приобрели затравленное выражение.

– Ну да, ты! – поняв, что угодил в точку, хищно замурчал начальник следственной части. – Жаль мне тебя. Честно, жаль! Минимум лет пять отсидишь, а Пыжов отделается условным наказанием! Ведь ты его силком заставил, бил, угрожал...

– Нет! – вскричал парень. – Все было не так!

– А как? – вкрадчиво осведомился Кожин. Окончательно сломавшийся Бардаков начал подробный рассказ...

– Ну вот! – сияя самодовольной улыбкой, заявил начальник следственной части, демонстрируя Кабанову собственноручно написанные показания Бардакова. – Меньше часа ушло. Плевое дело.

– Вы гений! – подобострастно прошептал следователь, закатив глаза в верноподданическом умилении. – Вы...

– Заткнись! – зло отрезал Кожин. – Поздно спохватился!

– Что поздно? – не врубился Кабанов.

– Сам знаешь. Впрочем, речь сейчас не об этом. Ты, Вадим, не справляешься с возложенными на тебя обязанностями. Проще говоря – профессионально непригоден... – Евгений Дмитриевич выдержал драматическую паузу.

Следователь взопрел от страха. Мясистое лицо покраснело, руки затряслись. Внимательно наблюдающий за ним майор прищурился от удовольствия.

– Короче, тебе стоит подумать о перемене места работы, – с наигранным сожалением добавил он.

– Евгений Дмитриевич! Не губите! – панически взвизгнул Кабанов.

Кожин сделал вид, будто колеблется.

Опальный подчиненный уставился на него с робкой надеждой.

– Нет, – спустя минуту молвил начальник следственной части. – Ничего не выйдет. Иди!

– Но, Ев-ге-е-ений Дми-и-и... – заблеял полностью деморализованный следователь.

– Вон! – рявкнул Кожин и, когда дверь за Кабановым закрылась, сатанински расхохотался...

Майор вернулся домой в прекрасном расположении духа. День прошел лучше некуда. И Чув сдох, и «висячку» раскрыл, и стукачу отомстил, а Бахусову ловко подшестерил. (Докладывая шефу о бестолковости злополучного следователя, Евгений Дмитриевич якобы ненароком противопоставил тому «подающую надежды молодую практикантку» Елену Овечкину и посетовал, что она пока не числится в штате. Похотливый хрыч остался доволен.) И все благодаря «покойному отцу». Почему он раньше ничего не знал о спиритизме?! Скольких напастей можно было бы избежать!

Наспех поужинав, Кожин позвонил Сухотину.

– Да-а-а? – вяло отозвался Роман.

– Это, я! Евгений!

– Кто-о? И-ик!

– Евгений, Кожин! – нетерпеливо повторил майор. – Ты чем занимаешься?!

– И-ик! Угадай с-с трех раз!

- Бухаешь! – догадался Евгений Дмитриевич.
- П-правильно! И-ик! – тяжело ворочая языком, подтвердил художник.
- Жаль! А я хотел духа вызвать!
- Б-без п-проблем. З-заходи!
- Но... – неуверенно начал Кожин.

В ответ послышались короткие гудки. Майор укоризненно покачал головой, затем оделся и вышел из квартиры...

Сухотин открыл дверь лишь после седьмого звонка. Выглядел он далеко не лучшим образом. Лицо распухло, борода и волосы сваялись в сальный колтун, заплывшие глаза превратились в узкие щелочки, дыхание с хлюпаньем вырывалось из чахлой груди. В руках художник держал початую бутылку водки.

– С-со в-вчерашнего д-дня остановиться, и-ик, н-не могу, – глупо ухмыльнулся Роман. – Т-ворческий т-тупик. У ин-н-нтелект-т-льных л-лич-ч-ностей б-быв-в-ет!

– Где Эльвира? – спросил Евгений Дмитриевич.

– А ч-черт ее знает! – равнодушно ответил Сухотин. – Н-на хрен она т-тебе с-сдал-лась?

– Ну как же! – возмутился Кожин. – Я хотел с духом пообщаться! И ты, между прочим, обещал! Выходит, продинамил, пьяный кретин?!

– П-поок-кураг-тнее с выраж-жениями! – насутился художник. – Н-неч-чего ос-скорб-лять пор-ряд-дочных ль-дей!

Майор титаническим усилием сдержал вспышку злобы.

– Извини, – стиснув кулаки, выдавил он.

– Д-другое д-дело, – удовлетворенно кивнул Роман. – Ч-что же касс-с-ется Эль-льки. Н-не б-беспокойся. Об-бой-д-д-демся б-без ней-й-й-е!

– Как? – удивился Евгений Дмитриевич.

– З-з-запрос-сто! Я т-т-то-же к-кой чего ум-ме-е-е-ею!

Художник отхлебнул водки прямо из горлышка, громко рыгнул и приглашающе махнул рукой:

– П-п-шли!..

Все было как на вчерашнем сеансе: стол, темнота, свечи... Отсутствовала только спиритическая цепь. Кожин сидел за столом один, а Сухотин, с грехом пополам завершив необходимые приготовления, выпил еще водки, свалился на пол и утробно захрапел. Тем не менее «дух отца» не заставил себя долго ждать, причем на сей раз он общался с майором напрямую, без помощи тарелки. Когда художник отрубился, а взбешенный Кожин хотел уже убираться восвояси, в воздухе внезапно появился белесый расплывчатый силуэт. Евгений Дмитриевич ощутил холодное прикосновение к щеке и услышал хриплый шепот:

– Здорово, засранец!

– Папа?! – подпрыгнул на стуле майор.

– Ага. Что рожу-то вытянул? Или не рад?!

– Рад, – пробормотал Кожин. – Но медиум, тарелка...

– Ах вот оно что! – усмехнулся «отец». – Это, милый мой, все не обязательно. Спрашивай! У нас мало времени!

– Кого назначат преемником Чуева?! – выпалил майор. Данный вопрос мучил его с самого утра.

– Бахусов колеблется между двумя кандидатурами: твоей и Генки Литвиненко, – немного помедлив, сообщил дух. – Однако у Литвиненко больше шансов. Он сумел убедить начальника в своей безграничной преданности, переходящей в обожание. Вылизал ему задницу до блеска.

А на всех потенциальных конкурентов, в том числе и на тебя, собрал уйму компромата. Правда, Литвиненко не пускал его в ход. Пока...

Евгений Дмитриевич почувствовал щемящую пустоту в желудке. «Обскакал, сукин сын, – тоскливо подумал он. – Подсуетился, гнида хитрожопая! Ненавижу!»

– Шеф еще не принял окончательного решения, – как бы между прочим заметил «отец». – И даже когда примет – до утверждения в должности пройдет некоторое время. Так что не вешай нос, засранец! Но учти – под лежащий камень вода не течет.

– В смысле? – насторожился Кожинов.

– Я считал тебя умнее! – презрительно фыркнул дух. – Ладно. Так и быть, поясню. Нужно избавиться от гада.

– Как?! – напрягся Евгений Дмитриевич.

– Есть одна идея...

Глава 3

Майор Геннадий Сергеевич Литвиненко сегодня ночью дежурил по отделению. Вообще-то дежурства можно было запросто избежать, подсунув вместо себя кого-нибудь помоложе, но Литвиненко в ожидании грядущего повышения по службе не упускал ни единого шанса заработать дополнительный положительный балл. Пускай Бахусов видит, что он – неутомимый труженик, не чурающийся никакой работы. Конечно, для карьеры главное не это, однако кашу маслом не испортишь. Дежурство проходило на удивление спокойно. Обычная для Москвы криминальная вакханалия на сей раз обходила Н-ский район стороной: ни террористических актов, ни заказных убийств, ни бандитских разборок со стрельбой...

Несколько пьяных драк, разбойное нападение двух озверевших от ломки наркоманов на квартиру одинокой пенсионерки и групповое изнасилование шестнадцатилетней девчонки в счет, разумеется, не шли. Мелочевка! К тому же драчунов уже благополучно препроводили в вытрезвитель, наркоманов задержали в квартале от места преступления, возле пункта «Скорой помощи», где они покупали «кислоту», а изнасилованной малолетке Литвиненко дал понять, что заявление писать не стоит.

– Шансов поймать насильников практически нет, – настойчиво внушал потерпевшей майор. – Позору же не оберешься! Начнутся экспертизы, беседы с родственниками, со знакомыми, проверка твоего морального облика... Может, ты их спровоцировала?! А?! Не реви! В конце концов, не убили, не покалечили. Лучше остынь, не дергайся!

Выпроводив плачущую девочку, Геннадий Сергеевич весело улыбнулся и потер ладони. «Вот так надо работать! – горделиво подумал он. – Ликвидировал «висяк»⁵ на корню! А мокрощелка эта сама виновата. Впредь будет осторожнее!»

В половине второго вернулись с рейда «охотники», принесли дежурному его часть добычи. «Охотниками» неофициально назывались ППСники⁶, раз в неделю вытрясающие иностранных рабочих (украинцев и молдован), строящих в Н-ском районе многоэтажный жилой дом и обитающих прямо на стройплощадке в полуразвалившихся бытовках. Поздно вечером в пятницу «гастарбайтеры» получали от хозяина кормовые, по пятьдесят тысяч на брата, и, мучимые голодом, направлялись в единственный в округе ночной магазин. Там бедолаг подстерегали доблестные стражи закона.

– Документы! Живо! Тэк-тэк! Проживаем в Москве без регистрации?! Ну пойдем в отделение! Ах, не хочешь?! – и т. д. и т. п. В конечном счете «гастарбайтеров» отпускали восвояси, предварительно изъяв всю наличность. Чем они будут питаться в течение следующей недели, ментов ничуть не волновало, а угрызений совести ввиду полного отсутствия оной ППСники не испытывали. Начальство же не находило в подобном «бизнесе» ничего предосудительного при условии, что с ним, с начальством то есть, поделаются.

Получив свою долю, Литвиненко пересчитал купюры, небрежно сунул в карман и внезапно почувствовал непреодолимую тягу ко сну. Голова отяжелела, веки налились свинцом.

– Почему бы не покемарить? Ночь спокойная, дел мало, – пробормотал Геннадий Сергеевич, развалился на стуле, прикрыл глаза и задремал...

Сновидения Литвиненко нельзя было назвать приятными. Он увидел себя в пустой комнате без окон, без дверей. На полу, источая резкий запах помойки, зияла черная бездонная дыра. Майор пытался пошевелиться, но не мог, тело окаменело, не слушалось. Прямо из стены вышел безобразно жирный тип в цветастой одежде клоуна и со слюнявой гримасой на круглой плоской роже.

---

⁵ Преступление, не поддающееся раскрытию.

⁶ ППС – патрульно-постовая служба.

– Здрасьте! Наше вам с кисточкой! – прокосноязычил урод, неуклюже раскланиваясь.
– Кто ты, черт тебя подери? – брезгливо спросил Геннадий Сергеевич.
– Но-но, не хаами! – погрозил сосискообразным пальцем мерзкий гость. – Не люблю грубиянов!

– Сгинь! – крикнул Литвиненко, содрогаясь от отвращения и жуткого, необъяснимого страха.

«Клоун» гадко захихикал.

– Ай-яй-яй! Плохой мальчишка! Невоспитанный! Придется наказать, – проквикал он, наградив Геннадия Сергеевича мощнейшей оплеухой, схватил за рукав и поволок к яме.

Майор отчаянно завыл.

– Зря надрываешься! – с издевкой заметил жирдяй. – К тому же разве ты не желаешь воссоединиться с семьей?

– Что-о-о?! – изумился Литвиненко.

– С семьей! – повторил «клоун». – Твоя супруга с мамашей дожидаются тебя в аду!

Из провала донесли слезливые женские причитания, жалобы, мольбы о помощи... Геннадий Сергеевич узнал голоса жены и матери, затрясся в ознобе и... проснулся. В кабинете было тихо. Пахло пылью. Под потолком тускло светила лампочка в замызганном казенном абажуре. За незанавешенным окном, в темном ночном небе висел белесый, мертвый диск полной луны. Минут пять Литвиненко неподвижно просидел за столом, очухиваясь от пережитого кошмара, затем, повинувшись смутному предчувствию, позвонил домой. Там никто не отвечал. «Неужто сон в руку? – трепеща подумал майор. – Вдруг что-нибудь стряслось?! Нет, не может быть! Однако проверить стоит!»

Прихватив для подстраховки двух сержантов ППСников (из числа недавно освободившихся «охотников»), он на служебном «воронке» подкатил к своему дому, не дожидаясь лифта взбежал на третий этаж, открыл ключом дверь квартиры и щелкнул выключателем в прихожей. Свет не зажегся. По непонятной причине никто из присутствующих не обратил внимания на характерный запах газа.

– Наверное, пробки перегорели, – с умным видом предположил один из сержантов, чиркая зажигалкой. В ту же секунду прогремел оглушительный взрыв...

План «избавления от гада» разработал «отец».

– Нужно сегодня же ночью проникнуть в берлогу Литвиненко и открыть на кухне газ, – втолковывал он Кожинуву. – Литвиненко дежурит по отделению. Дома у него только мать и жена. Мамаша – старая карга, ей немного надо. Нюхнет разок и сыграет в ящик, а жена, хехе, истеричка! С вечера она по причине растрепанных чувств нажрется снотворного и будет дрыхнуть без задних ног. Козел позвонит домой проверить, как там обстоят дела, но трубку никто не поднимет. Тогда он забеспокоится, прибежит выяснять, что случилось, а квартирка-то полна газа. Достаточно малейшей искры, и усе! Ба-а-бах! Гы-гы-гы!

– погоди, папа, – дрогнувшим голосом перебил Кожинув. – Ты предлагаешь мне совершить убийство?

– Естественно! – невозмутимо подтвердил дух. – А чем ты, собственно, недоволен?!

– Я-я, – растерянно залепетал майор, обильно потев и мелко подрагивая конечностями. Он был до смерти напуган, но не перспективой стать убийцей двух ни в чем не повинных женщин, а возможными последствиями. Если коллеги докопаются до истины, то ему хана! Расстрелять, положим, не расстреляют (правительство с Советом Европы заигрывает), однако из тюрьмы по гроб жизни не выберешься...

– Я н-не могу! – выдавил Кожинув.

– Ссыкло паршивое! – презрительно фыркнул «отец». – Я думал, ты мужчина, а ты, оказывается, тряпка, размазня! Тьфу! Смотреть на тебя тошно!

– Меня поймают! – проскулил Евгений Дмитриевич.

– Ах вот ты о чем! – слегка подобрел дух. – Напрасно беспокоишься. Никто не узнает правды. Гибель поганой семейки спишут на несчастный случай, да и ведение расследования поручат тебе. Уж это-то я гарантирую! Кроме того – иного выхода нет. Сделавшись заместителем начальника, Литвиненко быстренько выживет тебя с работы. Вылетишь как пробка! Хорошо еще, если не сядешь. Компромата он набрал о-го-го! Там и получение взяток, и фальсификация уголовных дел, и забавы с несовершеннолетними проститутками, и прочее, прочее... Материалы оформлены чин чинном: показания свидетелей, записи телефонных разговоров и даже видеосъемка...

– С-сука! – прошипел Кожин. – Дерьмо вонючее!

– Наконец-то ты поумнел, – благожелательно произнес «отец». – Ну как, воспользуешься моим советом?

– Да! – глухо ответил майор. – Придется! Но постой, у меня остается пара вопросов. Во-первых, каким образом открыть дверь, а во-вторых – откуда возьмется искра?

– Захватишь с собой Болдоху, – терпеливо пояснил дух. – Этот хмырь с любым замком справится. Что же касается второго... Будет искра, не волнуйся. Главное, не забудь перед уходом вывернуть пробки...

Рецидивист-домушник Виктор Усиков по кличке Болдоха вот уже два года числится штатным стукачом у Кожина. Через месяц после очередной отсидки Усиков влетел на краже, причем влетел по-глупому. Надо же было отправиться брать хату⁷ под кайфом! Не иначе бес попутал! Нашумел, засветился перед соседями... Те звякнули в милицию. В результате Болдоху взяли на месте преступления что называется с поличным, «спеленали» и доставили к начальнику следственной части, который без обиняков предложил: «Выбирай, Витя, либо загремишь по этапу, либо... найдешь со мной общий язык». Усикову чрезвычайно не хотелось снова отправляться в «места не столь отдаленные», и после недолгих колебаний он предпочел второе. Дело о краже благополучно похерили, Болдоху остался на свободе, но угодил в кабалу к майору. «Общий язык» заключался в следующем: в Н-ском районе не воровать, не портить Кожину отчетность и стучать, стучать, стучать...

Кореша даже не подозревали о двурушничестве Болдохи, хотя не ставшего вором в законе, но пользующегося определенным авторитетом в криминальном мире, и потому малейшая угроза разоблачения приводила его в содрогание. Именно на это и рассчитывал начальник следственной части. Стукачок сделает что ему велено и будет молчать как рыба, иначе урки, узнав пикантные подробности его тайной жизни, не раздумывая порежут Болдоху на мелкие кусочки.

---

⁷ Обворовывать квартиру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.